

Ах! всегда, всегда спокоен
Я дотоле пребывал.
Лучше, лучше б взор я Клоин
Никогда бы не видал.
Я не зрел бы сих терзаний,
Не горел бы, как горю,
Не пускал б о той страданий,
Коей, может, не урю.⁴⁶

На следующий день Маша возвращается к дереву. «Сердце ее забилося, неизвестная сила влекла ее к оному. Едва она туда вышла, стихи, начертанные на дереве, поражают глаза ее; она их прочитывает и, приведена в смущение, не знает, кем то сделано, но сердце ей сказало, кто оные написал».⁴⁷ Спустя месяц Маша вновь пошла на тот самый луг. «Робким шагом, трепеща, идет она на оный, приближается к дереву, где видела стихи, их ищет и не находит. Кора, на которой они были начертаны, совсем облупилась и не оставила даже знака. Сие ее смущает, и она в задумчивости ходит по лугу. По случаю глаза ее обращаются на предстоящее дерево, примечают надпись. Любопытство или, лучше сказать, скрытая какая-то причина побуждают ее прочесть. Что ж она видит? Это рука Н... Несчастный, томимый страстию, бывал часто на лугу и, отчаявшись наконец видеть сам, решился написать следующее. *Давно я вас не вижу и уже лишаюсь надежды иметь счастье сие. Я боле не приду, опасность вовлечь вас в беславие мне то запрещает. Когда вы меня любите и желаете видеть, в пять часов на Аптекаарском острове верно найдете.* Все чувства ее приходят в восторг, когда прочитывает строки сии».⁴⁸

Далее возлюбленные встречаются и начинается их недолгое счастье. Надпись на дереве, таким образом, превращается в развернутое признание в любви и приобретает сюжетобразующую функцию. Ни автор, ни герои не обращают, правда, внимания на одну очевидную несообразность — надписи на коре дерева чрезмерно обширны, само их исполнение достаточно трудоемко; недаром автор предусмотрительно выбрал глагол «начертать», а не «вырезать». Подобная обширная надпись, однако, не была отечественным изобретением в жанре сентиментальной повести. В том же 1800 году был опубликован перевод повести А. Г. Ю. Лафонтена «Адель, или Несчастье». Рассказчик встречается в рощице с рыдающим «чувствительным пастухом» Гиласом. Гилас ведет рассказчика к ручью. «На берегу ручейка стояла древняя ива, Гилас подбежал к ней, пал на колени, бледность покрыла лицо его, тяжкие вздохи вырывались из его груди, он плакал. Это положение растрогало меня, я поднял его и старался утешить. „Видишь,— сказал он,— я еще не много плакал, но это уже прошло... Адель видела меня... а я... я... я ее не видел. Посмотри на эту иву, сколько раз она была свидетельницею моего несчастья! Адель и я!...

⁴⁶ Ландшафт моих воображений: Страницы прозы русского сентиментализма. М., 1990. С. 143.

⁴⁷ Там же. С. 144.

⁴⁸ Там же. С. 145.